

ПРОБЛЕМА ОРИГИНАЛЬНОСТИ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ В РАННЕЙ ИСТОРИОГРАФИИ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ*

Виктор Куприянов

Анализируется созданный в ранней историографии русской философии (работы арх. Гавриила (Воскресенского), В.В. Чуйко, Я.Н. Колубовского, А.И. Введенского, Б.В. Яковенко, Э.Л. Радлова, А.Ф. Лосева, Г.Г. Шпета, В.Ф. Эрн) историко-философский «канон». Указывается, что впоследствии этот канон стал широко использоваться в эмигрантской историографии (прежде всего в популярных версиях истории русской мысли В.В. Зеньковского, Н.О. Лосского и С.А. Левицкого), а также отчасти и в советской историко-философской науке. В статье выделяются два направления в ранней историографии русской философии: западническое (А.И. Введенский, Э.Л. Радлов, Г.Г. Шпет, Б.В. Яковенко, Я.Н. Колубовский, В.В. Чуйко) и антизападническое (А.Ф. Лосев, Н.А. Бердяев, В.Ф. Эрн). Утверждается, что западническое направление, согласно которому русская философия – это часть западной философской культуры, доминировало в историографии русской философии и определяло рамки ее исследований: именно в этом ключе было написано большинство первых обобщающих работ по истории русской философии. Представители альтернативного направления видели истоки русской философии в началах, отличных от начал западной философии, и рассматривали отечественную философию в качестве самобытного явления, исторически восходящего к восточной патристике. В контексте анализа этого подхода особое внимание уделяется проблеме освещения в ранней историографии русской философии творчества Г.С. Сковороды.

Ключевые слова: историография русской философии, Э.Л. Радлов, Г.Г. Шпет, А.И. Введенский, В.Ф. Эрн, А.Ф. Лосев.

Санкт-Петербургский филиал
Института истории естествознания и
техники им. С.И. Вавилова РАН

The author analyzes the early historiography of Russian philosophy (works of Arch. Gavriil (Voskresensky), V.V. Chuiko, Ya.N. Kolubovsky, A.I. Vvedensky, E.L. Radlov, G.G. Shpet, B.V. Yakovenko, V.F. Ern, A.F. Losev) and the historical-philosophical “canon” elaborated at that time. It is pointed out that later this canon became basic for both Soviet and émigré historiography. The importance of the early historiography of Russian philosophy for V.V. Zhenkovsky, N.O. Lossky, and S.A. Levitsky, the authors of popular works on the history of Russian philosophical thought, is emphasized. The article identifies the two directions in the early historiography of Russian philosophy: Westernist (A.I. Vvedensky, G.G. Shpet, B.V. Yakovenko, E.L. Radlov, Y.N. Kolubovsky, and V.V. Chuiko) and anti-Westernist (A.F. Losev, V.F. Ern, and N.A. Berdiaev). It is stated that the Westernist view, according to which Russian philosophy is a part of Western philosophical culture, dominated the historiography of Russian philosophy and determined the framework of its research: it was in this key that most of the first summarizing works on the history of Russian philosophy were written. Researchers belonging to the alternative direction believed that the origins of Russian philosophy were different from those of Western thought, and regarded Russian philosophy as a rather distinctive phenomenon, which historically ascended to Eastern patristics. In the context of the analysis of this approach, the author of the article pays special attention to the problem of coverage the works of G.S. Skovoroda in the early historiography of Russian philosophy.

Keywords: historiography of Russian philosophy, E.L. Radlov, G.G. Shpet, A.I. Vvedensky, V.F. Ern, A.F. Losev.

© Куприянов В.А., 2022

<https://doi.org/10.31119/phlog.2022.2.176>

---

* Исследование выполнено за счет гранта РФФИ, проект № 21-011-44093.

Еще во времена античности история философии сформировалась как область специального интереса [1]. Платон и Аристотель стали первыми историками философии, а из школы Аристотеля вышли первые крупные труды по истории философии. Однако в подлинном смысле история философии расцвела лишь в XIX в. под влиянием прежде всего немецкого идеализма [2] и в контексте формирования историзма как принципа философствования [3]. Не стала исключением и история русской философии, которая именно в то время начала оформляться как самостоятельная область философских исследований, что стало возможным благодаря достижению высокого уровня развития философской и общенаучной культуры, поскольку именно развитие философии является предпосылкой для становления специальных историко-философских исследований, наличие которых свидетельствует со своей стороны в пользу зрелости самой философии.

История русской философии как исследовательская область начала формироваться в конце XIX – первой половине XX в., когда вышли основные труды по истории отечественной мысли и когда были заложены основные подходы к пониманию возникновения философии в России, определяющие, кого можно относить к числу философов и в чем особенность и оригинальность русского философствования. Говоря об истории философии, важно отграничить ее предмет. Философия часто пересекается с другими областями культуры – наукой, искусством (особенно с литературой), религией, общественно-политической мыслью. Однако к последней четверти XIX в. философия в России сформировалась в качестве самостоятельной области исследований, которая была институционализована в виде специальных кафедр в университетах и в духовных академиях, а также приобрела самостоятельные периодические издания и профессиональные сообщества (Московское психологическое общество и Философское общество при Санкт-Петербургском университете). Развитие философии в качестве самостоятельной профессиональной деятельности предполагало и создание соответствующей историографии истории философии. Именно к таковой относятся написанные в то время работы, в названиях которых присутствовало словосочетание «история философии». В фокусе нашего внимания находится именно эта историографическая традиция, которая отграничивается от истории литературы, истории общественной мысли и истории науки, хотя история русской философии пересекается со всеми этими областями. Соответственно, рассмотрение историографии русской философии ограничивается анализом работ, посвященных именно обзору истории философии в ее отличии от истории науки, литературы, искусства и общественной мысли (это труды А.И. Введенского, Э.Л. Радлова, Я.М. Колубовского, Б.В. Яковенко, Г.Г. Шпета, В.Ф. Эрн, А.Ф. Лосева и др.).

Типологически в ранней историографии русской философии можно выделить два главных подхода к вопросу об оригинальности и главных особенностях русской философии. Большинство авторов, писавших об истории русской философии в то время, рассматривали отечественную философию как ответвление западной философской мысли, считая, что основная тенденция, которой следовали отечественные мыслители в

XVIII–XIX вв., заключалась в рецепции западноевропейской философской традиции. В этом контексте историки русской философии обращали внимание прежде всего на влияние западных философов. Очевидно, что главный вопрос, который при таком подходе попадал в центр историко-философского анализа, заключался в исследовании смены западных учений в русской философской литературе. В ранней историографии эта точка зрения доминировала и варьировалась от радикально западнической к умеренной. При этом уже до революции в историографии появилась и альтернативная точка зрения, которую можно обозначить как антизападническую (аналогичную классификацию см.: [9]). Если к первой можно отнести почти все наиболее заметные и известные ранние исследования истории русской философии, принадлежащие перу А.И. Введенского, Э.Л. Радлова, Я.М. Колубовского, Б.В. Яковенко, Г.Г. Шпета и др., то противоположная позиция представлена прежде всего трудами В.Ф. Эрна, Н.А. Бердяева и А.Ф. Loseва.

Хронологические рамки раннего периода историографии русской философии можно отсчитывать от публикации шестого тома «Истории философии» архимандрита Гавриила в 1840 г. до периода советизации философии, начавшегося в 1920-е гг. Исходя из данных рамок, исключая достаточно быстро устаревший труд архимандрита Гавриила, к основополагающим трудам по истории русской философии того периода можно отнести работы Я.Н. Колубовского, А.И. Введенского, Э.Л. Радлова, Г.Г. Шпета, Б.В. Яковенко, Е.А. Боброва и М.М. Филиппова. Особенно влиятельными не только для советской, но и для современной историографии оказались работы А.И. Введенского, Э.Л. Радлова и отчасти Г.Г. Шпета. Не менее важным оказались и труды В.Ф. Эрна, посвященные Г.С. Сковороде. Их подход был во многом развит позже в эмигрантской историографии Н.О. Лосским и В.В. Зеньковским, чьи труды во многом определили облик современной российской историографии отечественной философии. В данной статье приводится анализ ранней историографии русской философии и выделяется основная проблема, которая была в центре внимания историков русской философии в то время, – проблема оригинальности и самостоятельности русской философии в контексте европейской философской традиции. Также выявляются особенности выделения «канона» русских философов.

Основная линия ранней историографии русской философии: рецепция и развитие западной философии

Как известно, первая работа по истории русской философии принадлежит перу архимандрита Гавриила (1795–1868), опубликовавшего в 1840 г. учебное пособие к лекциям по истории философии в виде VI тома его «Истории философии» [1; 2; 14]. Первая история русской философии была написана вполне в духе историософии XIX в., для которой важнейшее значение имели проблемы народности и национальной принадлежности. Освещение русской истории архим. Гавриилом основывается на предположении, что каждый народ имеет свой особенный характер, который отличает его философию. Говоря современным языком, для архим. Гавриила философия – это производная национального духа и на-

циональной культуры, которые задают ее особенности. Национальную специфику России архим. Гавриил видит в том, что «россиянин богобоязлив, до бесконечности привержен к вере, престолу и отечеству, послушен, нерешителен и даже недейтелен там, где подозревает какое-либо зло от поспешности, трудолюбив, хитер, непобедим в терпении, рассудителен» [14, с. 5]. В философии, как полагает первый историк русской философии, эти особенности национального характера выражаются в «рационализме, соображенном с опытом». При этом в его подходе чувствуется влияние немецкого идеализма, на что указывает использование терминологии фихтевского наукоучения. Главной особенностью философии является то, что она есть «развитие сознания и уяснение его движения». От того, к чему относится сознание – к себе («Я»), к внешнему миру («не-Я») или к Богу, – зависит и национальный тип философии. Таким образом, архим. Гавриил отличает русскую философию от немецкой и английской. Если немецкая философия ориентирована на самосознание, что порождает ее наукообразность, а английская и французская философии – на внешний мир и, следовательно, на исследование опыта, то русская, синтезируя и первое, и второе начала, ориентирована на Бога [14, с. 22–23]. Доказательству этого подхода и посвящена его книга. Начало русской философии архим. Гавриил относит к древней Руси, связывая ее зарождение с духовенством и влиянием греков. Этим фактором оказалась обусловлена особая связь философии с религией, характерная, как он считает, для России. Философия XVII–XIX вв. излагается Гавриилом в институциональном контексте: он выделяет философов-профессоров (А.М. Брянцева, И.Ф. Буле) и церковных деятелей, заканчивая изложение взглядов графа С.С. Уварова. Особое место в истории русской философии архим. Гавриила занимает освещение творчества Г.С. Сковороды. Именно архим. Гавриил, вероятно, впервые отнес малороссийского мыслителя к числу русских философов, считая его самобытным мыслителем и связав его взгляды с историей платонизма. С одной стороны, архим. Гавриил считал философскую традицию в России самобытной и основанной на особых национальных началах, выделяя ее характерные особенности, а с другой, русская философия излагается им в контексте западной мысли, ведь шестой том его труда представляет собой часть истории именно западной философской традиции.

В литературе еще со времен Г.Г. Шпета «История философии» архим. Гавриила вполне заслуженно оценивается невысоко [4, с. 4–7], поскольку уже сам выбранный им критерий определения философии представляется спорным и приводит автора к тому, что в число философов были включены персонажи, не внесшие в философию серьезного вклада (например, московский митрополит Филарет и граф С.С. Уваров). Более содержателен очерк истории русской философии, опубликованный в 1890 г. Я.Н. Колубовским (1863–1929) в качестве приложения к русскому изданию «Истории новой философии» Ф. Ибервега и М. Гейнце. Эту работу можно признать первой серьезной попыткой осмысления истории отечественного философствования. Хотя очерк Колубовского носит описательный характер, нельзя сказать, что в тексте отсутствует авторская позиция. Колубовский не выявляет национальных особенностей русской

философии, а, наоборот, придерживается точки зрения о ее заимствованном характере. Начальный период истории русской философии связан с «борьбой, которую деятели юго-западной Руси вели с врагами веры и народности» [18, с. 34]. В связи с этим, как пишет Колубовский, в России сформировалась схоластика, на смену которой со времен Петра I пришло «западно-европейское влияние», т.е. влияние философии Нового времени. С тех пор, согласно Колубовскому, «русская наука идет по стопам западно-европейской, и не удивительно, если и философия не составляет исключения из этого правила» [18, с. 529]. В соответствии с этой позицией его обзор русской философии составлен как изложение взглядов русских представителей западной мысли: русских шеллингианцев, гегельянцев, позитивистов, материалистов. Характерно в этой связи, что взглядам Сквороды он уделяет мало внимания, называя его «украинским мудрецом». Работа Колубовского представляет собой информативный обзор русской философской литературы и позволяет сделать вывод о том, что практически все направления западной философии нашли отклик в русской культуре, которая была в то время богата исследованиями во всех областях философии. Колубовский конкретно не указывает, представляет ли собой русская философия нечто оригинальное на европейском фоне, но тем не менее он рассматривает отечественную философию в качестве логического развития именно европейской философской культуры, что с исторической точки зрения нельзя не признать убедительным.

В том же духе выдержан и очерк истории русской философии, написанный В.В. Чуйко (1839–1899) и опубликованный в качестве приложения к переводу «Истории философии с древнейшего до настоящего времени» Ф. Кирхнера в 1895 г. [26]. Автор очерка справедливо указывает, что до середины XVIII в. невозможно говорить о самостоятельной русской философии. До этого времени некоторая самостоятельная философская культура имела место лишь в юго-западной Руси, где под влиянием Польши развилась схоластика. Лишь со времен Петра I в России начинается систематическая деятельность в области философии. Русская философия в освещении Чуйко так же, как и у Колубовского, представляет собой изложение взглядов русских последователей западной философии: вольфианцев, кантианцев, шеллингианцев, гегельянцев, позитивистов, материалистов. Как оригинальный мыслитель также фигурирует Скворода, о котором Чуйко пишет достаточно подробно и которого он обозначает как «самого самостоятельного мистика своего времени» на фоне «господства французского материализма в екатерининское время» [26, с. 333]. Как считает Чуйко, славянофильство и западничество обязаны своим возникновением Ф. Шеллингу и Г. Гегелю. Однако при этом автор очерка считает и западников, и славянофилов выдающимися мыслителями, уделяя много места изложению их взглядов. В философских воззрениях русских мыслителей Чуйко выявляет влияние западных, прежде всего немецких философов. Так, философию И.В. Киреевского он связывает с влиянием Шеллинга и Гегеля, а взгляды А.С. Хомякова – преимущественно с И.Г. Фихте [26, с. 340–341], А.И. Герцена считает «учеником» Гегеля [26, с. 343]. Логично, что, согласно данному подходу, из-

менения в западной философии повлекли за собой аналогичные процессы в отечественной философской мысли (эти выводы можно видеть также в работах Э.Л. Радлова и А.И. Введенского). Как и многие историки русской философии, Чуйко указывает на господство материализма в России в 1860-е гг., против которого боролись П.Д. Юркевич, Ф.А. Голубинский, В.Д. Кудрявцев-Платонов и др. [26, с. 345–355]. Однако русский материализм, на который Чуйко смотрит достаточно критически, был, по его мнению, «чисто германского происхождения, был явлением у нас случайным и скоро преходящим и не заключал в себе ничего самобытного» [26, с. 355]. Вскоре материализм смешался с позитивизмом, который стал популярен в 1870–1880-е гг. Чуйко упоминает в положительном ключе также Н.Я. Данилевского и Н.Н. Страхова. Таким образом, можно сказать, что, согласно его авторской позиции, хотя русская философия носит в целом заимствованный характер, она оказалась не лишена некоторой самостоятельности, которая нашла отражение прежде всего в направлениях, оказавшихся под влиянием идеализма. Особо высокую оценку получают в его очерке А.А. Козлов и В.С. Соловьев.

В схожем ключе обсуждался вопрос о самостоятельности русской философии в работах А.И. Введенского, Э.Л. Радлова и Б.В. Яковенко. В речи, произнесенной на первом заседании Философского общества при Петербургском университете в 1898 г., Введенский (о Введенском как историке философии, в том числе и историке отечественной философии см.: [7, с. 404–455]) метко указывает, что хотя философия в России заимствована, как и вся образованность, она «существует у нас не вследствие искусственного насаждения, а вследствие глубокой потребности, удовлетворяемой вопреки всевозможным препятствиям» [13, с. 27]. Введенский вполне убедительно подчеркивает, что заимствования и подчинение чужим заимствованиям – это закон развития философии, который обеспечивает ее успешное становление. Подчиняясь на начальном этапе влияниям и заимствованиям, философия затем самостоятельно развивается. Историю русской философии он делит на три периода: 1) подготовительный, 2) период господства немецкого идеализма, когда в русской философии превалировал интерес к Канту, Фихте, Шеллингу и Гегелю, и 3) период вторичного развития. История русской философии предстает в изложении Введенского в качестве процесса освоения западной философии, которое началось, по его мнению, с рецепции ее готовых образцов. Именно этим была обусловлена «бесплодность» первого периода философии (от основания Московского университета в 1755 г. до реформ Александра I) [13, с. 28–29]. В это время русская философия характеризовалась подражательностью, неоригинальностью и носила подготовительный характер. Сковороду Введенский называет мудрецом, который не оставил следа в русской философии [13, с. 30–31].

Обращает на себя внимание освещение Введенским философии первой половины XIX в. Он абсолютно правильно указывает, что развитие философии в России протекало в этот период в неблагоприятных условиях, когда не только философия, но и вся русская наука подвергались гонениям со стороны обскурантов. Лишь в 1830-е гг. в России появилась относительная свобода мысли, источником которой были во многом литератур-

ные кружки. Однако этот период относительной свободы закончился за- претом университетской философии. Свое время Введенский рассматривает как период вторичного развития, развития философии после перерыва, который «приблизительно соответствует началу 1830-х гг.» [13, с. 62]. Однако и философию своего времени Введенский рассматривает в европейском контексте. В целом его взгляд на будущее русской философии оптимистичен: русская философия даст, по его мнению, мыслителей уровня Н.И. Лобачевского, которые будут значимы для всего мира.

Сходного взгляда придерживался и русский философ-неокантианец Б.В. Яковенко. Ему принадлежит серия работ, посвященных истории отечественной мысли и написанных как в России, так и в эмиграции [32–35]. Эмигрантские работы Яковенко продолжают его дореволюционные размышления и являются более продуманными и серьезными. Подход Яковенко можно охарактеризовать как радикально западнический. В «Очерках русской философии», опубликованных в 1922 г. в Берлине, он полностью отказывается русской философии в оригинальности. Как пишет Яковенко, «русский дух не жил еще до сих пор в полной мере философской традицией... и не дал еще ничего действительно философски оригинального... Русский дух не пропитался еще до мозга костей всем совершенным доселе в сфере философской мысли, не всосал в себя живительного балзама сделанной философской мысли и в равной мере он не выявил до сих пор никакого систематического построения, за которым можно было бы признать значение нового философского шага, новой категории философского мышления» [35, с. 742]. Эта же мысль излагается Яковенко и в его главном труде по истории русской философии – «Истории русской философии», изданной на чешском языке в 1938 г. [32, с. 16].

Позиция философа основывается на его понимании философии и роли истории для философии. По мнению Яковенко, для философии не важно, в какой национальной среде она развивается. Философия «характеризуется своим собственным систематическим развитием, живет в своем поступательном развитии своей внутренней философской жизнью, по отношению к которой внешнее обнаружение ее в поле действия той или иной нации совершенно случайно» [35, с. 740]. То есть философия – это прежде всего наука, которая характеризуется универсальностью. Философия совмещает в себе традиционализм и творчество. Поэтому оригинальность возможна только на основании традиции и, следовательно, лишь благодаря освоению наследия прошлого. Русская философия традицией еще не жила, и поэтому ничего оригинального в ней нет, она представляет собой интерес только в качестве одной из сторон культурной жизни России – она подлежит не историко-генетическому рассмотрению, а лишь описанию [32, с. 8]. В качестве примера Яковенко приводит Сковороду, который «высится на бесплодной равнине российского философствования XVIII в.» [35, с. 746]. Яковенко подчеркивает, что развитие философии в России повторяет ход западной философской мысли, поскольку смена направлений в русской философии следует за аналогичными процессами на Западе. В России, как и в Германии, после господства немецкого идеализма распространяется материализм, который сменяется позитивизмом, а затем начинается расцвет спиритуализма. В оценке философии конца XIX в.

особенно заметна философская позиция Яковенко. Если материализм и позитивизм он считает псевдофилософскими направлениями, то спиритуализм и идеализм выступают для него подлинной философией. Как он пишет, философские учения П.Д. Юркевича, В.С. Соловьева, Л.М. Лопатина и С.Н. Трубецкого «представляют как бы позвоночный столб всего русского подлинного философского движения» [35, с. 783]. Именно в период творчества этих философов русская философия начала пробуждаться и приобретать самостоятельность. Философия в учениях этих мыслителей стала подлинной и начала развиваться «уже не как простое повторение чужестранных философских принципов и концепций, зачастую в высшей степени не философских, или же как дилетантские и несистематические попытки философствовать за свой счет, а как подлинная систематическая рефлексия по поводу всех основных вопросов и сфер философской мысли» [35, с. 782].

Яковенко, как и Введенский, видит в истории русской философии постепенное становление самостоятельной мысли на основе освоения западной философии и считает русскую философию частью общеевропейского культурного ландшафта. Хотя Яковенко и полагает, что русская философия не обладает оригинальностью, тем не менее он усматривает в ней определенные особенности, к которым относит универсализм, максимализм и конкретизм [32, с. 18].

Умеренно западнической можно назвать позицию Э.Л. Радлова, которому принадлежит серия работ по истории русской философии и литературы. Радлов может быть признан одним из первых профессиональных историков русской философии. Его научное наследие включает ряд важных работ по истории русской философии, в том числе одну из первых монографий о В.С. Соловьеве [23]. Радлову принадлежит также одна из самых известных обобщающих работ по истории русской философии – «Очерк истории русской философии» [22] который вышел в 1912 г., а затем в исправленном и дополненном виде планировался к публикации в рамках историко-научного проекта «Русская наука», однако из-за сложностей в реализации этого проекта работа вышла в Петрограде отдельным изданием в 1921 г. В постсоветское время «Очерк истории русской философии» Радлова стал одной из самых популярных общих работ по истории отечественной философии. В целом он описывает развитие русской философии в том же ключе, что Колубовский, Чуйко, Введенский и Яковенко. Однако его подход имеет особенности. Прежде всего Радлов принимает во внимание интеллектуальную историю допетровского периода, которую практически обходят вниманием другие авторы того времени. Он делит историю русской философии на два этапа: подготовительный и строительный [22, с. 100]. Подготовительный период охватывает время до М.В. Ломоносова. Причем, как отмечает Радлов, этот период имеет интерес преимущественно для историков литературы, а не философии, поскольку интерес к философии тогда был невелик. Соответственно, позиция Радлова сводится к тому, что до петровских реформ, развернувших Россию в сторону Запада, отечественная философская культура если и существовала, то только в слабо выраженной форме. С Ломоносова же, как он полагает, начинается новый период в истории

русской философии. Ломоносова, Сковороду, А.Н. Радищева и М.М. Сперанского Радлов считает родоначальниками русской философской мысли [22, с. 105]. Оценка Сковороды у Радлова вполне адекватна имеющему сегодня о нем историческому материалу и в целом повторяет отзывы упомянутых выше авторов. Для Радлова Сковорода – «мудрец, учитель жизни, а не ученый, стремящийся объяснить явления внешнего и внутреннего мира» [22, с. 102].

В отличие от многих историков русской философии своего времени, Радлов указывал, что русская философия имела две тенденции: с одной стороны, направление, «которое развивалось под влиянием чужой мысли» [22, с. 100], а с другой, в русской философской литературе было и направление, которое под влиянием чужой мысли стремилось «выразить национальное миросозерцание, соответствующее духовным свойствам русского народа» [22, с. 100]. К последнему типу Радлов относит славянофильство, которое он вслед за многими историками русской философии признает наиболее оригинальным философским направлением в России, стремившемся к выработке именно *русской* философии [22, с. 124]. В этом Радлов наиболее близок представителям ранней западной историографии русской философии. Однако в целом изложение русской философии XIX в. у Радлова совпадает с тем, что пишут его современники и коллеги. Он указывает на большое влияние немецкого идеализма в первой половине XIX в., затем на последовательную смену господства материализма и позитивизма, пришедших в Россию из Германии и Франции, и, наконец, на «возрождение» интереса к идеализму в конце века, обусловленного «падением» естественнонаучного материализма и распространением идей А. Шопенгауэра и Н. Гартмана [22, с. 116]. Интересно, что Радлов единственный обращает внимание на роль Г.В. Лейбница в этот период [22, с. 117]. Тот факт, что именно с распространением идеалистической философии Радлов связывает возрождение интереса к философии как таковой отчетливо показывает его собственную философскую позицию. Причем в этом его взгляд совпадает и с позицией Яковенко, и с мнением Введенского, где также именно идеализм понимается в качестве философии как таковой, а материализм и позитивизм рассматриваются скорее как ее упадок. В этом контексте нужно отметить распространенность такого взгляда на историю русской мысли в историографии того времени: критика материализма и позитивизма стала общим местом.

Очерк Радлова отличается информативностью и широким охватом литературы. Можно сказать, что Радлову удалось показать своего рода панораму русской философской мысли XIX – начала XX вв. и выявить богатство и многосторонность русской философии того времени. В его изложении русская философия предстает не просто повторением западной мысли, а сложной историей ее рецепции, а затем и творческого диалога в едином контексте европейской культуры.

К ранней историографии русской философии относятся также работы М.М. Филиппова [24], Е.А. Боброва [12] и С.О. Грузенберга [15]. В них развивается та же идея, что и в публикациях Введенского, Радлова и

Яковенко, и поэтому они могут быть отнесены к западническому направлению отечественной историографии.

Говоря о значимых трудах по истории русской философии того времени, нельзя не упомянуть очерк Г.Г. Шпета, написанный в 1922 г. (об истолковании истории русской философии Г.Г. Шпетом см.: [6]). Работу Шпета отличает не только яркая философская позиция автора, которая задает оригинальность его видения истории русской философии, но и высокие литературные достоинства. Известный славист Д.И. Чижевский верно заметил интерес Шпета к исследованию западных философских влияний: «Для специалиста и читателя со специальным интересом к истории русской мысли книга Шпета – богатая сокровищница фактов, среди которых много совершенно нового материала, беспристрастно написанный очерк – в вышедшей пока первой части – зачатков философской мысли в России. Формулировки ясны, четки и глубоки. Мимоходом брошен и намечен ряд проблем. Перед историком и историком литературы отчетливо поставлены проблемы проникновения в русскую мысль тех или иных “западных влияний”» [21, с. 386].

Изложение истории русской философии у Шпета – это не описание литературы и не рассказ о смене философских мод и веяний, как это было у многих его современников. Так же, как и у авторов других «замерных» историко-философских работ того времени (Введенского, Радлова, Яковенко), в основе взгляда Шпета на историю русской философии лежит определенное понимание философии и ее роли в культуре (см. критику у Зеньковского: [17, с. 31]). Для Шпета философия представляет собой квинтэссенцию европеизма. Только Европа, в отличие от Азии, мыслит философски, поэтому философия является неотъемлемым атрибутом Европы.

В понимании сущности философии Шпет наиболее близок к Яковенко и, вероятно, наиболее далек от представителей антизападнического направления в русской историографии. Для Шпета философия – это «чистое» знание, связанное с незаинтересованным исследованием предмета, под которым понимаются принципы бытия: «...философия всегда изучает начала, ее предмет – “принципы” и источники, основания; философия всегда и по существу есть *первая философия*» [27, с. 24–25]. Такое представление о философии свойственно, по его мнению, исключительно Европе. Европейская философия представляет собой науку ради науки, неутилитарный поиск истины самой по себе. Поэтому философия противопоставляется поиску «правильной морали» и мудрости. В противовес этому Восток знает лишь сказки, поиск морали и житейские мудрствования. Шпет пишет: «В частности, применительно к философии, восприятие ее как мудрости и морали непременно утилитарно – философия должна учить жить мудро, как в самом широком, так и в самом узком смысле практической жизни. Понимание философии как метафизики и мировоззрения вызывает более тонкое и возвышенное представление об ее пользе – для спасения души, разрешения загадок смысла жизни, оправдания мира, – но в основном также порождает утилитаристическое отношение к себе. Нужно углубиться до идеи философии как чистого знания, чтобы восприятие ее и науки как такой перестало быть утили-

тарным и выразилось также в чистом, “незаинтересованном”, эросе. Везде, где можно найти эти три понимания философии, можно встретить три разных уклада субъективных переживаний ее» [28, с. 73–74].

Сквозь призму такого понимания Шпет рассматривает историю русской философии, которая, проходя последовательно этапы «взросления» (невегласие – около школы – по прописям – по линейкам – первые испытания – первые ученики), предстает прогрессирующим становлением философии как чистого знания. Утилитарное отношение к знанию, понимание философии как морали или как формы политики оказывается в глазах Шпета префилософским типом мышления. Причем движение к философии как чистой науке рассматривается Шпетом в качестве смены типов интеллигенции. В этом можно усмотреть оригинальность позиции самого автора, который ввел в историографию философии социальные аспекты. В результате Шпет пишет историю русской философии не как смену западных философских веяний, а как историю смены исторических типов интеллигенции, показывая при этом сложную историю рецепции и творческой переработки русскими философами учений западных мыслителей. Он пишет о том, что в России происходила последовательная смена трех типов интеллигенции: церковной, правительственной и оппозиционной. Важно при этом, что в рассмотрение включается и история философии в допетровский период, который, как полагал Радлов, интересен только историку литературы [22, с. 101]. Согласно Шпету, до XVIII в. в России господствовала церковная интеллигенция, и основные интеллектуальные интересы были связаны с религией. С петровских реформ возникает господство правительственной (государственной) интеллигенции, которая была ориентирована на протестантский Запад, а с начала XIX в. возникает новый тип интеллигенции – оппозиционная. В первой половине XIX в. конфликт между оппозиционной и правительственной интеллигенцией достигает апогея. Видных деятелей университетской и духовно-академической философии (А.А. Фишера, И.Г. Михневича, С.С. Гогоцкого, О.М. Новицкого) Шпет относит к представителям правительственной интеллигенции. Он характеризует их философию как сервильную и неоригинальную, поскольку они зависимы от западного влияния, не отличаются самостоятельностью и понимают философию как служанку каких-то внешних интересов. Духовно-академическая философия, с точки зрения Шпета, отличается особым умонастроением – скептическим теизмом. Показательна в этом отношении шпетовская характеристика В.Н. Карпова: «Особенно “духовная философия” – хотя тут она частью выходит даже за рамки национальной отличительности – видела всегда свое призвание, с одной стороны, в “поучении”, не доходящем, однако, до владычества, и, с другой стороны, в “приспособлении”, доходящем до сервилизма. Карпов – только “на вид” – которым он обманул Белинского – свободнее, но дух у него тот же, что и у других представителей духовно-академической философии. Он оказался лишь способнее – и для нас это был большой шаг вперед – к усвоению европейских научных методов изложения на место отечественной “церковно-славянской” вязи и заимствованной иезуитской схоластики... Философское единство этого духа в направлении теизма и спиритуализма – нор-

мально и натурально, хотя определяется оно не всегда имманентно, а по предписанному заданию учреждения» [28, с. 201].

Сервильность, неоригинальность, ограниченность профессиональной философии является для Шпета показателем ее «невегласия», т.е. некультурности и отсутствия европеизма. Однако, по его мнению, и оппозиционная интеллигенция относится к философии так же утилитарно, как и правительственная, поскольку ставит философию в зависимость от внешнего интереса – морального или политического. К оппозиционной интеллигенции Шпет причисляет «свободных» русских философов: В.Г. Белинского, Н.А. Добролюбова, Д.И. Писарева, Н.Г. Чернышевского и Г.В. Плеханова. Всех этих мыслителей Шпет называет нигилистами и относит к префилософскому типу мышления. Согласно Шпету, правительственная и оппозиционная интеллигенция сыграла в истории русской мысли одинаковую роль, но именно оппозиционная интеллигенция во многом выступила в качестве «отрицательного» начала русской культуры.

Тем не менее Шпет видит в истории русской философии и зачатки «подлинной» философии, которую он связывает с «национально-ориентированной» интеллигенцией – русскими писателями («пушкинское начало» русской философии) и славянофилами [28, с. 276]. Как и все ранние историки русской философии, Шпет высоко оценивает славянофильство, характеризуя его философию в качестве первого самостоятельного философского направления в России. Из шпетовской концепции вытекает, что подлинное начало русской философии лежит в области литературы, в то время как академические философы и «нигилисты» оказываются лишь разными сторонами одной медали, поскольку не мыслят философию самоцелью, знанием ради самого знания.

В «Очерке истории русской философии» Шпет внимательно проследживает связи между западной и русской философскими традициями. Если Радлов, Введенский, Яковенко лишь констатировали зависимость русской философии начала XIX в. от немецкого идеализма, то Шпет скрупулезно реконструирует источники отечественного «оригинального» философствования, показывая, что многие русские профессиональные философы были, скорее, эклектиками, которые испытали на себе влияние самых разных немецких философов своего времени. Тем не менее в философии П.Д. Юркевича, А.И. Герцена, П.Л. Лаврова, В.С. Соловьева, С.Н. Трубецкого, Л.М. Лопатина Шпет был склонен видеть оригинальное и самостоятельное интеллектуальное движение [29, с. 206–270, 306–361, 428–433, 439–508], и в этой оценке он также сходил с многими историками русской философии того времени. План и наброски «Очерка» показывают, что Шпет рассматривал русскую философию именно в качестве постепенного становления самостоятельного мышления с опорой на западноевропейскую традицию философствования [29, с. 21–23]. С этой точки зрения, он более чем вписывается в традицию западной этой историографии русской философии, хотя нужно признать, что его подход на фоне работ Радлова, Введенского и Яковенко отличался существенной оригинальностью философской позиции и позволил ему взглянуть на исторический материал с совершенно иной стороны, чем это было принято в то время.

Антизападническая историография русской философии

В ранней историографии русской философии имел место и принципиально иной подход к пониманию проблемы оригинальности отечественной философской мысли. В этом контексте нельзя обойти вниманием творчество таких философов, как В.Ф. Эрн, Н.А. Бердяев и М.О. Гершензон, которые хотя и не написали обобщающих трудов по русской философии, но создали свои концепции истории русской философии, оставив после себя важные работы, посвященные отдельным русским мыслителям. Также обращает на себя внимание книга А.А. Никольского «Русский Ориген XIX века. Вл. С. Соловьев» [20], в которой выдающийся русский философ представлен как продолжатель линии восточно-христианской философии, что полностью вписывается в выделяемую нами традицию ранней историографии¹. В этих работах развивается тезис о самобытности русской философии, ее особом характере на фоне европейской философской культуры и, главное, – ее незападных началах. Особенно яркой является в этом контексте точка зрения Эрна, которую можно считать репрезентативной для этого направления в ранней историографии русской философии.

При сравнении взглядов Эрна с воззрениями Яковенко, Радлова и Введенского становится очевидным, насколько историко-философский канон зависим от основных теоретических установок автора, от его философской позиции. Основной идеей философии Эрна является противопоставление Рацио и Логоса. Рацио – это порождение западноевропейского рационализма и меонизма с его рассудочностью и односторонностью. Логос, как свойство русской философской мысли, наоборот, представляет собой живую мысль, творчески пронизывающую сущее. Логос является мистическим началом мысли и исторически связан с древнегреческой философией и патристикой. Рационализм же индивидуалистичен и определяется лишь рассудочно-логическим уровнем сознания. Для Эрна важно, что Логос и Рацио – это два противоположных принципа философствования, два совершенно разных начала мышления, которые сталкиваются друг с другом в борьбе.

Взгляды Эрна на историю русской философии часто характеризуются как националистические. В связи с этим указывается на его полемику с С.Л. Франком и участниками журнала «Логос». Франк характеризовал взгляды Эрна как «национализм в философии», «ожесточенную борьбу с Западом» и «попрание вечных ценностей европейской мысли» [25]. Как подчеркивает О.В. Марченко, для Эрна принципиальными были не культурно-исторические отличия России и Запада, а противопоставление двух начал бытия – Логоса и Рацио [8, с. 832]. Однако для Эрна важно, что именно благодаря своему особому положению Россия имеет оригинальную философскую традицию, которая отличает ее от новоевропейского Запада. Русская философия самобытна и оригинальна тем, что продолжает традицию «антично-христианского умозрения», являясь тем

---

¹ Также интересна в этом контексте работа М.В. Безобразовой [11; 37], в которой учитывается история философии в допетровский период, хотя Безобразова дает очень общий и схематичный обзор истории русской философии.

самым репрезентантом «восточнохристианского логизма» [30, с. 112]. Западная философия пронизана односторонним рационализмом, в то время как русская мысль пронизана «стихией божественного Логоса», исторические истоки которого нужно искать в античности и в учениях восточных отцов церкви. Поэтому, полагает Эрн, русская философия, существующая уже столетия, «прочно заняла совершенно особое, исключительное место» [30, с. 91]. По его мнению, она отличается от современных явлений европейской философии как новоевропейское Рацио от антично-христианского Логоса. В этой связи Эрн подчеркивает значимость Сковороды, отношение к которому можно считать своего рода маркером философской позиции историка русской философии. Радлов, Яковенко и другие историки русской философии хотя и признавали Сковороду в качестве родоначальника русской философии, все же считали его прежде всего мудрецом и моралистом. Для Шпета, характеризовавшего работу Эрна о Сковороде как «взвинченно-литературное произведение, а не историко-философское исследование» [28, с. 106], учение Сковороды – это пример псевдофилософии [28, с. 113], а сам он «мнимо народный “философ”» [28, с. 104]. Как показывает Шпет, философское содержание работ Сковороды предельно минимально, поскольку учение «украинского старичка» насквозь пропитано библейским морализмом [28, с. 106]. Шпет вписывает Сковороду в свою типологию интеллигенции: «Как тип интеллигенции, Сковорода – прообраз резонирующего опрощеньства и отрицания традиционной европейской культуры, развившихся у нас – может быть, в параллель с чисто народным юродством – во имя проповеди призрачного самоусовершенствования и мнимо-углубленного самопознания» [28, с. 105].

Оценка Сковороды у Эрна прямо противоположна. Он пишет: «В лице Сковороды происходит рождение философского разума в России; и в этом же первом лепете звучат новые, незнакомые новой Европе ноты, объявляется определенная вражда рационализму, закладываются основы совершенно иного самоопределения философского разума» [31, с. 333]. Именно Сковорода является, по мнению Эрна, родоначальником русской философии, поскольку в его творчестве выступает отличное от западноевропейского рационализма восточно-христианское мировосприятие. Тем самым Эрн оспаривает доминирующую в ранней историографии точку зрения, согласно которой русская философия началась под влиянием немецкого идеализма и первым ее относительно самостоятельным направлением является славянофильство.

Эрн признает, что в русской философии имеет место переплетение новоевропейского западного и восточно-европейского начал мышления [31, с. 22, 23] и трактует отечественную философию в качестве особой традиции, восходящей к альтернативным по отношению к Западу теоретическим основаниям. Неокантианство, материализм и позитивизм, акцент на которых ставят в своих очерках истории русской философии Радлов, Введенский и Яковенко, представляют собой, согласно Эрну, неоригинальные направления, которые, «будучи страстными отголосками западноевропейских философских настроений, каким-то роком обречены на фатальное бесплодие и невозможность что-либо творчески порожд-

дать» [31, с. 25]. Яковенко, как яркий представитель неокантианства, в ответ характеризовал книгу Эрна о Сковороде как панегирик и указывал, что позиция автора вытекает из специфики его философской методологии [36, с. 375]. Говоря о Сковороде, Яковенко давал ему более мягкую оценку, нежели Шпет, полагая, что Сковорода «был замечательной личностью и прожил замечательную жизнь. Но это еще не делает его замечательным философом, как того хочет во что бы то ни стало автор. Для того чтобы быть замечательным философом, Сковороде не хватает ни оригинальности, ни исторической значительности» [36, с. 375].

Близкими к позиции Эрна можно признать также и точки зрения, которые были развиты в работах Н.А. Бердяева, А.А. Никольского и М.О. Гершензона. Особо в этом ряду можно выделить А.Ф. Лосева, перу которого принадлежит небольшой очерк истории русской философии. Лосев полностью разделяет философские взгляды Эрна и развивает его историко-философские идеи. Для него, как и для Эрна, самобытность русской философии определяется борьбой Рацио и Логоса. «Русская самобытная философия, – утверждал Лосев, – представляет собой непрекращающуюся борьбу между западноевропейским абстрактным *ratio* и восточно-христианским, конкретным, богочеловеческим Логосом и является беспрестанным, постоянно поднимающимся на новую ступень постижением иррациональных и тайных глубин космоса конкретным и живым разумом» [28, с. 73]. То есть, как полагал Лосев, наиболее характерная черта русской философии заключается в столкновении западноевропейского *ratio* и восточно-христианского Логоса. Соответственно, самобытными русскими философами он считает Сковороду, славянофилов, Соловьева, Бердяева и С.Н. Булгакова. Включает Лосев в этот список и Ф.М. Достоевского, хотя трактовать его в качестве философа было нехарактерно для ранней историографии русской философии. Сковорода рассматривается им в качестве «провозвестника своеобразной русской философии», от которого затем пошло развитие всей русской самобытной мысли [19, с. 78]. Философов, которые в России продолжали западные интеллектуальные направления – немецкий идеализм, материализм, позитивизм и неокантианство, – он считает неоригинальными подражателями. Историю «подражательной» философии он отсчитывает от петровских времен, относя таким образом почти все, о чем писали Радлов, Яковенко, Шпет и Введенский, к второстепенным явлениям русской культуры. Суждения Лосева относительно этих направлений крайне резкие: «Русская самобытная философия дала России гениальных мыслителей, в русской философии, находящейся под западным влиянием и отличающейся крайней бесплодностью... также имеется много одаренных личностей. Следует надеяться, что представители заимствованной философии распрощаются с абстрактностью и бесполезностью и признают великую русскую проблему Логоса» [18, с. 92].

Заключение

Ранняя историография русской философии заложила фундамент для создания крупных обобщающих работ по истории отечественной философии, оказав при этом влияние как на советских философов, так и на пред-

ставителей русской философской эмиграции, в том числе С.А. Левицкого, Н.О. Лосского и В.В. Зеньковского. Основная линия отечественной историографии дореволюционного периода может быть охарактеризована как западническая, суть которой заключается в констатации того, что русская философия с XVIII в. имеет заимствованный характер и что решающее значение для нее составляет влияние западных философских течений. Большинство первых историков русской философии ставили акцент на исследовании рецепции западной мысли в России и были склонны рассматривать историю отечественной философии как смену философских направлений, происходящую синхронно с западноевропейской культурой. Этот подход зачастую заставлял большинство первых историков русской философии весьма строго оценивать отечественную философскую традицию, что особенно проявилось в освещении философии XVIII – начала XIX в. При этом все историки русской философии этого направления подчеркивали постепенный рост философской культуры в России и постепенное превращение отечественной философии в самостоятельную европейскую интеллектуальную традицию. История русской философии излагалась ими как последовательная история роста самостоятельности философии в России и преодоления ею подражательного и ученического характера в рамках общеевропейской интеллектуальной культуры. Многие представители западнической историографии выделяли при этом и особенно русской философии, считая ее специфическим историко-философским явлением (Радлов, Введенский, Яковенко). Этот подход отчасти сохраняет свое влияние и сегодня.

Представляется, что именно этот подход наиболее адекватен фактическому материалу и объективному историческому ходу не только русской философии, но и всей русской культуры после реформ Петра I, когда стало сказываться влияние Запада. Аналогичные процессы рецепции западной культуры, «подражательности», а затем формирования на ее основе самостоятельной отечественной культурной традиции западного типа можно проследить и в искусстве, и в науке, и в экономике. В то же время, говорить о серьезном влиянии восточных отцов церкви, которое «выводило бы» русскую философию из общего контекста западноевропейской мысли, представляется затруднительным. Поэтому антизападнический подход, развитый в философии Эрна, Бердяева и Лосева, можно считать не до конца обоснованным и зависимым в большей степени от их философских предпочтений и национальных умонастроений, нежели от имеющихся до сих пор историко-философских данных. И что немало важно – в самой историографии можно проследить схожий процесс «созревания», сравнивая, в частности, работу архимандрита Гавриила с работами Шпета и Яковенко.

Наряду с западническим подходом в ранней истории отечественной философской мысли можно выделить и авторов, которые стремились показать, что русская философия самобытна и представляет собой традицию незападного философствования, восходящую к восточно-христианской патристике. Таким образом, философы, развивавшие этот подход, стремились противопоставить русскую философию западной. Сравнивая этот подход с доминирующей западнической тенденцией, важно отме-

тить, что в основе этого противопоставления лежат разные философские установки. Если Радлов, Колубовский, Введенский, Шпет и Яковенко в той или иной мере продолжали заимствованные с Запада философские направления, то Эрн, Бердяев и Лосев настаивали на «незападном» характере своего философствования, хотя при этом важно оговориться, что и их собственное творчество также следует рассматривать как феномен европейской культуры. Тем не менее исходная философская установка позволила этим авторам увидеть в истории русской философии нечто большее, чем замутненное зеркало западной мысли, и представить, что отечественная философия имеет незападные основания, которые придают ей своеобразие на фоне европейской культуры. Хотя и нужно признать, что эта историография, созданная в основном в период Первой мировой войны (это особенно касается подхода Эрна), все-таки в большей степени основана на романтическом видении отечественной истории и скорее отражает взгляды самих философов, нежели фактологические данные, которые убедительно свидетельствуют об активной рецепции в России в XVIII–XX вв. западноевропейской философии. Поэтому базовой для истории русской философии стала все-таки историография, созданная Радловым, Яковенко, Шпетом и Колубовским, которые, будучи профессиональными философами, заложили основания для научного изучения отечественной философии.

Ранняя историография отечественной философии оказала серьезное влияние и на современные исследования русской философии, во многом заложив современный историко-философский канон ее освещения. К сожалению, за пределами внимания первых историков русской философии остались многие значимые деятели отечественной философской культуры, а также персоны «второго плана», которые не оказали значимого влияния на русскую философию, но также важны для понимания общего фона философии своего времени. Также важно отметить и то, что многие, кого тогда выделяли в качестве крупных философов, в современной историко-философской литературе изучены недостаточно. В этом отношении дальнейшее развитие исследований в области русской философии требует корректировки сложившегося историко-философского канона, для чего необходимы исследования творчества всех крупных философов того времени, а также введение в научный оборот знаний о персонажах, которые не нашли до сих пор своих исследователей.

Литература

Исследования

1. Ванчугов В.В. Архимандрит Гавриил (Воскресенский), профессор философии Казанского университета // Историко-философский ежегодник. 2015. № 30. С. 243–267.
2. Ванчугов В.В. Первый историк русской философии: архимандрит Гавриил и его время. М.: Мир философии, 2015.
3. Демин М.Р., Куприянов А.В. Доминанты, субдоминанты и рецеденты: формальный анализ изменений канона истории немецкой философии в XIX веке // Логос. 2020. Т. 140. № 6. С. 173–206.

4. *Емельянов Б.В., Любутин К.Н.* Русская философия на путях самопознания: страницы истории // Введенский А.И., Лосев А.Ф., Радлов Э.Л., Шпет Г.Г. Очерки истории русской философии. Свердловск: Урал. ун-т, 1991. С. 3–25.
5. *Жмудь Л.Я.* Зарождение истории науки в античности. СПб.: РХГИ, 2002.
6. *Кантор В.К.* Густав Шпет как историк русской философии // Густав Шпет и современная философия гуманитарного знания. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 269–301.
7. *Малинов А.В.* Исследования и статьи по русской философии. СПб.: РХГА, 2020.
8. *Марченко О.В.* Владимир Эрн и его концепция русской философии // В.Ф. Эрн: pro et contra. СПб: РХГА, 2006. С. 824–855.
9. *Черноскутова Л.Б.* Немецкий акцент историографии русской философии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2009. Т. 9. № 4. С. 45–50.
10. From Hegel to Windelband. Historiography of Philosophy in the 19th Century / Ed. by G. Hartung, V. Pluder. Berlin, De Gruyter. 2015.

Источники

11. *Безобразова М.В.* Рукописные материалы к истории философии в России // Ванчугов В. Женщины в философии. М., 1996. С. 259–296.
12. *Бобров. Е.А.* Философия в России. Вып. 1–6. Казань, 1899–1902.
13. *Введенский А.И.* Судьбы философии в России // Введенский А.И., Лосев А.Ф., Радлов Э.Л., Шпет Г.Г. Очерки истории русской философии. Свердловск: Урал. ун-т, 1991. С. 26–66.
14. *Гавришл, архим.* (Василий Николаевич Воскресенский). История философии. Часть VI. Прибавление второе. Русская философия. Казань, 1840.
15. *Грузенберг С.О.* Очерки современной русской философии: Опыт характеристики современных тенденций русской философии. СПб: К.Н. Губинский, 1911.
16. *Ершов М.Н.* Пути развития философии в России (Из лекций, читанных на историко-филол. факульт. Гос. Дальневосточного университета в 1920–1921 ак. году). Владивосток: [б. и.], 1922.
17. *Зеньковский В.В.* История русской философии. М.: Академический Проект, Раритет, 2001.
18. *Колубовский Я.Н.* Философия у русских // Ибервег Ф. Гейнце М. История новой философии в сжатом очерке. СПб., 1890. С. 529–591.
19. *Лосев А.Ф.* Русская философия // Введенский А.И., Лосев А.Ф., Радлов Э.Л., Шпет Г.Г. Очерки истории русской философии. Свердловск: Урал. ун-т, 1991. С. 67–95.
20. *Никольский А.А.* Русский Ориген XIX века. Вл. С. Соловьев. СПб.: Наука, 2000.
21. *Прокофьев П.* <Д.И. Чижевский>. Густав Шпет. Очерки развития русской философии // Густав Шпет и современная философия гуманитарного знания. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 385–389.
22. *Радлов Э.Л.* Очерки истории русской философии // Введенский А.И., Лосев А.Ф., Радлов Э.Л., Шпет Г.Г. Очерки истории русской философии. Свердловск: Урал. ун-т, 1991. С. 96–216.
23. *Радлов Э.Л.* Владимир Соловьев. Жизнь и учение. СПб.: Образование, 1913.
24. *Филиппов М.М.* Судьбы русской философии. СПб.: Н. Глаголев, 1904.

25. Франк С.Л. Еще о национализме в философии // Франк С.Л. Русское мировоззрение. СПб.: Наука, 1996. С. 112–119.
26. Чуйко В.В. Русская философия // Кирхнер Ф. Истории философии с древнейшего до настоящего времени. СПб.: Издание книгопродавца В.И. Губинского, 1895. С. 331–384.
27. Шпет Г.Г. История как проблема логики. Критические и методологические исследования. Часть первая. Материалы. М.; СПб.: Университетская книга, 2014.
28. Шпет Г.Г. Очерк развития русской философии. Ч. I. М.: РОССПЕН, 2008.
29. Шпет Г.Г. Очерк развития русской философии. Ч. II. М.: РОССПЕН, 2009.
30. Эрн В.Ф. Сочинения. М.: Правда, 1991.
31. Эрн В.Ф. Григорий Саввич Сковорода: Жизнь и учение. М.: Путь, 1912.
32. Яковенко Б.В. История русской философии. М.: Республика, 2003.
33. Яковенко Б.В. О задачах философии в России // Яковенко Б.В. Мошь философии. СПб.: Наука, 2000. С. 653–660.
34. Яковенко Б.В. О положении и задачах философии в России // Яковенко Б.В. Мошь философии. СПб.: Наука, 2000. С. 711–739.
35. Яковенко Б.В. Очерки русской философии // Яковенко Б.В. Мошь философии. СПб.: Наука, 2000. С. 740–842.
36. Яковенко Б.В. Новая книга о Сковороде (В. Эрн. Григорий Саввич Сковорода. Жизнь и учение. В серии «Русские мыслители». К-во «Путь». 342 с. Москва. 1912) // В.Ф. Эрн: pro et contra. СПб: РХГА, 2006. С. 374–376.
37. Handschriftliche Materialien zur Geschichte der Philosophie in Russland der 1. Section der philosophischen Facultaet der Universitat Bern zur Erlandung der Doctorwurde vorgelegt von Marie Besobrasof. Von Prof. Dr. theol. u. phil. Ludemann (in Vertretung) der philosophischen Facultaet zur Annahme empfohlen. Bern, den 30. October 1891. Der Decan der phil. Facultaet: Prof. Dr.Hagen. Leipzig, Commissions-Verlagsbuchhandlung von Gustav Fock, 1892.

Kupriyanov, Viktor A. *The problem of the originality of Russian philosophy in the early historiography of Russian philosophy*

References

1. Vanchugov, V.V. (2015), Archimandrite Gabriel (Voskresensky), professor of philosophy at Kazan University, *Istoriko-Filosofskiy Yezhegodnik*, no. 30, pp. 243–267 (in Russian).
2. Vanchugov, V.V. (2015), *Pervyy istorik russkoy filosofii: arkhimandrit Gavriil i yego vremya* [The First Historian of Russian Philosophy: Archimandrite Gabriel and His Time], Mir filosofii, Moscow, 2015 (in Russian).
3. Demin, M.R., & Kupriyanov, A.V. (2020), Dominants, subdominants and precedents: a formal analysis of changes in the canon of the history of German philosophy in the 19th century, *Logos*, vol. 140, no. 6, pp. 173–206 (in Russian).
4. Yemelyanov, B.V., & Lyubutin, K.N. (1991), Russian philosophy on the paths of self-knowledge: pages of history, in: Vvedensky A.I., Losev A.F., Radlov E.L., Shpet G.G., *Essays on the history of Russian philosophy*, Ural University, Sverdlovsk, pp. 3–25 (in Russian).

5. Zhmud, L.Ya. (2002), *Zarozhdeniye istorii nauki v antichnosti* [The Origin of the History of Science in Antiquity], RChHI, St. Petersburg (in Russian).
6. Kantor, V.K. (2006), Gustav Shpet as a historian of Russian philosophy, in: *Gustav Shpet and Contemporary Philosophy of the Humanities*, Yazyki slavyanskikh kul'tur, Moscow, pp. 269–301 (in Russian).
7. Malinov, A.V. (2020), *Issledovaniya i stat'i po russkoy filosofii* [Studies and Articles on Russian Philosophy], RChHA, St. Petersburg (in Russian).
8. Marchenko, O.V. (2006), Vladimir Ern and his concept of Russian philosophy, in: *V.F. Ern: Pro et Contra*, RChHA, St. Petersburg, pp. 824–855 (in Russian).
9. Chernoskutova, L.B. (2009), The German accent of the historiography of Russian philosophy, in: *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filosofiya. Psihologiya. Pedagogika*, vol. 9, no. 4, pp. 45–50 (in Russian).
10. Hartung, G., & Pluder, V. (eds.) (2015), *From Hegel to Windelband. Historiography of Philosophy in the 19th Century*, De Gruyter, Berlin.